

УДК 141.201

DOI: 10.17223/1998863X/64/3

В.С. Левицкий

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Статья посвящена анализу организационного становления раннемодерной науки и постепенного завоевания ею привилегированного мировоззренческого статуса в обществе модерна. Исследуется институциональный фактор формирования и распространения научной онтологии и соответствующей ей рациональности. В результате делается вывод, что господствующее положение науки в эпоху модерна связано с социальным процессом и деятельностью определенных институций, продвигающих научную онтологию, – академий наук и университетов.

Ключевые слова: наука, онтология, рациональность, Академия наук, университет

Сегодня устоявшейся интеллектуальной позицией является признание зависимости онтологии модерна от науки, а научная рациональность считается гносеологическим эталоном. Работы А.Н. Уайтхеда, Г. Батерфилда, А. Койре и др. заложили основы нарратива, согласно которому модерн сформирован наукой. Отмечая мировоззренческую зависимость модерна от научной рациональности, К. Хьюбнер писал: «Наш век называют научно-техническим. Под этим подразумевается, что наука в современном обществе приобрела решающее значение и нет такой сферы общественной жизни, которая не испытывала бы на себе ее влияние. Наука заняла место, аналогичное тому, какое некогда занимала теология» [1. С. 156]. Во времена доминирования позитивистской парадигмы у такой позиции практически не было интеллектуальных вызовов. Наука воспринималась как универсальная познавательная методология, соответственно, и основанная на ней техногенная цивилизация – модерн – выступала цивилизационным инвариантом, являющимся эталонной моделью для всех других типов обществ. Соответственно, история подтверждала гегелевскую схему разворачивания Идеи, конечным итогом которого должно стать «абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве духа» [2. С. 434]. Философия истории в таком случае становилась формой метафизики.

Постпозитивистская критика, с ее отрицанием существования теоретически ненагруженных фактов, кумулятивного развития научного знания, приближения к неизменной абсолютной истине (Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.), делегитимировала не только универсальный статус науки, но и державшийся на нем инвариантный характер модерна как эталона цивилизационного развития. Наука перестала восприниматься как результат естественной эволюции разума, а эмпирия больше не могла считаться независимым критерием верификации теории, так как сама обретает смысл в рамках определенной теории. Если положения науки не могут претендовать на инвариантный и универсальный статус, в таком случае с новой остротой встает вопрос о причинах доминирования научной онтологии в обществе мо-

дерна. Соответственно, следующим логичным шагом становится пересмотр телеологического понимания истории и постановка вопроса о гарантиях онтологической стабильности культурных парадигм и причинах их смены. Учитывая ограниченность размера статьи, ее целью является предложить направление поиска, в рамках которого ответы на эти вопросы могут быть найдены.

В. Куайн писал, что наука является продолжением здравого смысла [3]. В то же время А. Койре убедительно показал, что наука стала возможна, когда было изменено само представление о здравом смысле. Французский исследователь пишет, что задачей первых научных программ, в частности Галилея, было не критиковать ошибочные теории и предлагать на их место лучшие теории. Им нужно было «разрушить один мир и заменить его другим», нужно было реформировать структуры разума, переосмыслить его понятия, иначе концептуализировать бытие, разработать новое понимание познания, новое понятие науки и «даже заменить представляющуюся столь естественной точку зрения здравого смысла другой, в корне от него отличной» [4. С. 131]. Наука кажется продолжением здравого смысла только представителям обществ, построенных на принципах научной рациональности. Как только масштаб рассмотрения увеличивается – самоочевидность науки неизбежно исчезает.

Хорошей иллюстрацией этого тезиса могут быть два примера. Один из классического наследия, второй из наработок в области истории науки последних лет. Так, в «Диалоге о двух главнейших системах мира...» Галилея Сагредо (представитель новой научной рациональности) выражает удивление относительно того, что у системы Коперника так мало сторонников. Сальвиати же (олицетворение церковной власти и религиозного мировоззрения) ему отвечает, что он удивлен, что вообще находятся его сторонники, так как «живостью своего ума они произвели такое насилие над собственными чувствами, что смогли предпочесть то, что было продиктовано им разумом, явно противоречащим показаниям чувственного опыта» [5. С. 240]. В этом примере хорошо видно, что гелиоцентрическая система Коперника, по мнению Сальвиати, противоречит не только устоявшейся рациональной традиции, здравому смыслу, но и повседневному опыту, опирающемуся на органы чувств. Чтобы такая система победила, должны произойти фундаментальные мировоззренческие трансформации, позволяющие иначе систематизировать чувственные данные.

Второй пример может показаться несколько метафорическим, но от этого он становится только более выразительным. Современный специалист в области истории науки Л. Дастон пишет, что наши представления о мире и классификация наук, на них основанная, не являются самоочевидными и безальтернативными. Она отмечает, что самыми влиятельными классификациями знания являются расстановка книг на библиотечной полке и физическая организация зданий университетских кампусов. В связи с этим американская исследовательница отмечает: «Беглый взгляд на типичное расположение зданий и факультетов почти во всех университетских кампусах подтверждает то, что большинство из нас принимают как само собой разумеющееся: математика близка к физике, физика и астрономия занимают одно и то же здание, а музыкальный центр где-то очень далеко от них. Будь это средневековый университет..., астрономия, математика и музыка соседствовали бы как дисци-

плины квадриума, а физика разместились бы где-то в другом месте, вместе с философией, как исследование универсальных причин. История, биология и геология находились бы в одном месте, поскольку все они изучают партикулярное» [6. С. 79–80].

К этим размышлениям стоит добавить открытия, сделанные в рамках философии и социологии науки во второй половине XX в., в результате которых стало понятно, что наука не проникает в более фундаментальные слои реальности, нежели другие познавательные практики, известные из истории. Соответственно, и аргумент, согласно которому победа науки над другими мировоззрениями в эпоху модерна обусловлена ее прорывом к объективной реальности (онтологический аргумент), что в конечном итоге должно привести к познанию абсолютной истины (гносеологический аргумент), теряет убедительность. «Научные войны», развернувшиеся в это время на полях философии, социологии и истории науки, позволили С. Шейпину систематизировать ряд метанаучных тезисов, один из которых характеризует именно такое понимание: «независимую реальность в обычном физическом смысле нельзя приписать ни явлениям, ни наблюдениям» [7. Р. 100]. Со своей стороны, И. Касавин применил эти результаты к анализу культурных целостностей, в результате чего внеисторический и объективистский статус науки оказался существенно проблематизирован. Так, российский исследователь пишет: «Миф и наука являются равно состоятельными основами *исторических* типов мировоззрений, и хотя мировоззрения *различны*, они в каждую эпоху предоставляли определенную онтологию, являясь критериями истины, моральности, красоты, справедливости» [8. С. 132].

В этом отношении стоит отметить еще один из предложенных С. Шейпином метанаучных тезисов, проливающих свет на культурный статус научных высказываний: «Новое знание не является наукой, пока его не делают социальным» [7. Р. 100]. Институализация науки является необходимым условием ее социального авторитета. С другой стороны, важно обратить внимание, как это делает в своей концепции В.С. Степин, на глубинные онтологические и гносеологические трансформации, в результате которых научная рациональность стала ценностью эпохи модерна. Российский философ пишет, что должны были произойти тектонические изменения в понимании мира и действующего в нем субъекта (вернее, такие «сущности» должны были сформироваться), чтобы наука в современном смысле могла появиться и занять столь высокое положение в культуре [9].

Сказанное позволяет предположить, что тот статус, который в обществе модерна имеет наука, связан с двумя факторами. Во-первых, с утвердившимся новым «онтологическим стандартом» (совокупностью предельных онтологических убеждений), в котором научная рациональность стала одной из главных ценностей. Во-вторых, со сформированной социальной инфраструктурой, релевантной новым онтологическим убеждениям, призванной их продвигать, – академиями наук и университетами современного образца.

В работе, посвященной становлению модерна, Ч. Тейлор показал, что мировоззрение, с которым он сближает социальное воображение, в том числе характерное современному обществу, сначала становится доминирующим для представителей интеллектуальных элит, а потом последовательно распространяется на широкие массы [10]. Не является исключением в этом отношении и научное

мировоззрение. Дж. Бен-Давид отмечает: «Развитие науки зависело от готовности меньшинства, которое верило в науку, бороться за ее общее признание и выражать, и развивать открыто свой интерес к науке в публичном обсуждении и целенаправленном объединении» [11. С. 138]. В этом процессе «борьбы», в конечном счете, обеспечившей завоевание наукой господствующего положения в культуре, можно выделить две основных составляющих.

Во-первых, это сам процесс институализации науки, объединение незначительного количества интеллектуалов, связывающих путь к познанию Истины с научной рациональностью, в результате которого были учреждены специальные организации, руководствующиеся данным типом рациональности и осуществляющие экспериментальные исследования. На первых этапах развития науки такую роль выполняли академии наук, позже эта роль переместилась (по крайней мере, отчасти) в университеты. Объединение интеллектуалов в академии, как минимум со времен Платона, не является новшеством для европейской истории. Начиная с XV в., в первую очередь в Италии, а позднее и по всей Европе, появляются академии, спектр интересов которых существенно разнится: от литературы и философии до магии и алхимии. В основном это были гуманистически ориентированные кружки, имеющие мало общего с современными академиями, образованные вокруг какого-то поэта, философа или мецената, не имеющие утвержденных органов и устава и не претендующие на какую-либо значительную социальную роль. Как правило, в их программы не входило и экспериментальное исследование природы. Одним из первых таких учреждений обычно называют академию Антонио Беккаделли (Академия Понтаниана), основанную в 1433 г. в Неаполе. В 1459 г. Козимо Медичи во Флоренции основал Платоновскую академию. В 1560 г. Дж.Б. Порты в Неаполе была организована первая физическая академия – Академия тайн природы. Ф.М. Сабирова пишет, что данное объединение не было академией в современном понимании, «а скорее представляло собой периодические собрания в доме Порты любителей различных отраслей знания: науки, магии, астрологии» [12. С. 133]. В 1603 г. была основана Академия деи Линчеи (Академия рысьеглазых), целью которой уже было изучение и продвижение физики, в 1611 г. ее членом стал Галилей. Д. Бен-Давид считает, что этот кружок можно считать первым, «который предпринял открытую и вполне широкомасштабную попытку создания научного института, притязавшего на равный статус с другими институтами образования» [11. С. 131]. В 1657 г. во Флоренции была основана Академия опытов, которая ставила целью продвижение экспериментальных опытов методом Галилея. С начала XVII в. подобные академии возникают по всей Европе. В 1620 г. Николай Клод де Пейреск организовал «научный кружок» в Эксе. Братья Дюнои учредили подобное общество в Париже. Особую роль в научной жизни Франции и отчасти всей Европы занимали собрания в доме Марена Марсена. В Германии возникли такие кружки в Росток (1622), а в городе Швайнфурте образовалось Общество испытателей природы (1652) и др.

Однако первым научным учреждением современного типа все же считается Лондонское королевское общество. Двенадцать ученых 28 ноября 1660 г. составили меморандум, согласно которому решили основать «Коллегию для развития физико-математического экспериментального знания», избрали председателя коллегии, которым стал Джон Уилкинс, а также секретаря и

определили размер вступительного и членских взносов. В следующем году членом Общества стал король, а 15 июля 1662 г. он подписал хартию, в результате которой Общество стало королевским и называться «Лондонское королевское общество для дальнейшего развития, посредством опытов, наук о природе и полезных искусств». В это же время членами Общества были Роберт Бойль и Роберт Гук, а секретарем – Ольденбург. С течением времени численность Общества постоянно росла, за исключением небольших периодов, и к 1675 г. достигла 225, а к середине XVIII в. составила 327 членов, из которых 147 были иностранными.

О целях, задачах и методах Общества недвусмысленно говорится в программе, найденной среди рукописей Р. Гука: «Развивать посредством опытов естествознание и полезные искусства, мануфактуры, практическую механику, машины, изобретения, не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику, грамматику, риторику и логику» (цит. по: [13, С. 51]). О новых онтологических убеждениях и методологических подходах говорят и комитеты, созданные в Обществе. В 1664 г. существовали следующие комитеты: механика, астрономия и оптика, анатомия, химия, агрономия, история ремесел, комитет по сбору и описанию всех сделанных наблюдений о явлениях природы и всех произведенных опытах, комитет по корреспонденции. Самым многочисленным был комитет по механике, в него входило 69 человек. Обычной практикой на заседаниях Общества было публичное проведение опытов, чтение и обсуждение научных трудов и корреспонденции.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. центром научной жизни Европы становится Париж, и определяющую роль в этом отношении сыграла Парижская академия наук, предшественницей которой была Академия «Монмора». 22 декабря 1666 г. в библиотеке Людовика XIV состоялось первое заседание Парижской академии. По мнению З.А. Сокулер, с этого момента Академия стала «институтом в системе централизованной абсолютистской власти» [14, С. 89]. Далее по образцу этих двух научных обществ академии наук стали открываться по всей Европе. В Берлине в 1700 г. королем Фридрихом II была основана Академия наук, президентом которой стал Г. Лейбниц. В 1724 г. указом Петра I основана Петербургская академия наук. В 1739 г. учреждена Национальная академия в Швеции, в 1742 г. – в Дании, в 1760 г. – в Норвегии и т.д. Таким образом, ареал распространения институализированного научного мировоззрения расширяется, формируется профессиональное научное сообщество, все более специализирующееся (впервые философ и исследователь перестают быть синонимами, сам термин «ученый» появляется в XIX в.), а наука обретает социально закрепленные формы, как правило, поддержанные высшей политической властью.

Академии наук стали социальной формой расширения и продвижения научного мировоззрения. Они потребовали собственного инструментария для продвижения нового «онтологического стандарта». Эту функцию, среди прочего, стали выполнять, основываемые параллельно созданию академий периодические научные издания. Первым таким журналом стал парижский «Журнал ученых», издаваемый с января 1665 г., изначально он не был аффилирован ни с каким научным обществом. При Ж.-П. Биньоне, который в то время возглавлял Парижскую академию, в 1701 г., журнал фактически стал официальным изданием Академии. Согласно его издателям, целью журнала было зна-

комство публики с новыми научными книгами, для чего печатались их аннотации, сообщение о новых открытиях в области физики и математики, описание экспериментов. Тираж журнала составлял примерно 1 000 экземпляров, периодичность доходила до двух выпусков в месяц.

Лондонское королевское общество издавало «Философские записки» – журнал с аналогичной направленностью и миссией. По мнению Ю.Х. Копелевич, эти два журнала «стали основными каналами обмена научной информацией в Европе этого периода» [13. С. 34]. Они установили партнерские отношения практически с момента основания и вели активный взаимообмен научной информацией. Очень быстро, по образцу данных журналов, подобные издания начали выходить в других странах. В Риме в 1668 г., в Венеции в 1671 г. начал выходить итальянский «Журнал ученых». В Голландии издавались «Новости республики наук» и «Универсальная историческая библиотека». В Лейпциге в 1682 г. начал выходить журнал «Труды ученых», благодаря латинскому языку издания быстро завоевавший статус международного. Популярность таких журналов возрастала с каждым годом и в начале XVIII в. только в германоязычных странах их насчитывалось около 250. Важность этих институциональных форм научного знания емко суммировала Ю.Х. Копелевич: «В целом можно сказать, что появившиеся на свет почти в одно время естественнаучные академии с их периодическими изданиями и „вольная“ научная журналистика – это две главные организационные формы, в которых выразилось рождение новой науки в XVII–XVIII вв.» [Там же. С. 40]. Если сюда добавить энциклопедии, ставшие новой формой «канонизации» знания, альманахи, научные проспекты, памфлеты и т.д., система продвижения нового онтологического стандарта приобретает вполне законченный вид.

Говоря об институализации науки, следует отметить еще несколько факторов. Первый – это создание единого коммуникационного пространства, в полном смысле слова «Республики ученых». При всех сложностях коммуникации того периода это не мешало обмену данными и информацией между учеными из разных стран. Лондонское королевское общество уже в первые месяцы своего существования установило научные связи с Академией дель Чименто в Тоскане, Обществом Монмора в Париже и др. На заседаниях Общества регулярно зачитывались письма иностранных ученых: Гюйгенса, Мариотта, Лейбница и др., а научные журналы активно помещали информационные сообщения, присылаемые из других академий. Между учеными постоянно осуществлялась корреспонденция, в результате чего они могли обсуждать последние достижения науки. Особую роль в этом отношении сыграл Ольденбург, который 17 лет был секретарем Лондонского королевского общества, и Мерсенн, выступившие своего рода «посредниками» такой научной переписки. На важность научной корреспонденции, в вопросе институализации науки, обратил внимание В.С. Степин, который писал, что в результате такой переписки «возникает особый тип сообщества, которое избрало письмо в качестве средства научного сообщения и объединило исследователей Европы в так называемую Республику ученых» [9. С. 89–90]. В результате в Европе была создана сеть из научных организаций и их членов, имеющих общую научную идентичность, продвигающих научную рациональность и стремящихся повысить ее социальное значение, сделать ее основой экономической, промышленной и образовательной политики.

Второй фактор касается праксеологического аспекта. Со временем наука показывала все большую практическую эффективность в различных сферах: от промышленности и строительства до судоходства и военного дела, вследствие чего возрастает статус академии, чья экспертиза приобретает теперь наибольший авторитет. Появляется специальная формула: «одобрено Академией» [14. С. 96]. Сами же академики порой становились частью политической элиты (Лаплас, Кювье, Бертолле) и могли влиять на государственную политику.

Третий фактор связан с постепенным завоеванием наукой роли передового мировоззрения. Для раннего периода развития науки было принято считать, что ее открытия не угрожают религиозному мировоззрению, а, наоборот, подтверждают истины Откровения. Поэтому, по мнению М.К. Петрова, нет «ничего странного в том, что католик, аббат Мерсенн, становится признанным отцом институализации французской науки, организатором Парижской академии наук, без каких-либо осложнений со стороны церкви» [15. С. 275]. Позднее отношения становятся более напряженными, наука стремится выйти из-под влияния церкви и сама оказывать влияние на культурную и образовательную политику. Например, во Франции на процессуальном уровне этому способствовала привилегия, которую получили французские академики от королевской власти – они могли печатать свои труды минуя цензуру. «До того, – пишет З.А. Сокулер, – права и привилегии, связанные с цензурой, жестко контролировал теологический факультет Парижского университета. Предоставлением подобной льготы королевская власть ослабляла влияние университета, а в конечном счете – церкви...» [14. С. 98]. В этом отношении Д. Бен-Давид отмечает, что целью новых интеллектуалов-ученых во Франции в конце XVIII в. была замена «существующего интеллектуального сословия (церкви и университетских корпораций) ими самими» [11. С. 186].

В связи с этим можно сказать, что второй составляющей, способствовавшей установлению окончательного господства научной онтологии как доминирующего мировоззрения эпохи модерна, является проникновение научной рациональности в систему образования, а в конечном счете и формирование учебных программ на ее основе. Очевидно, университеты не являются «изобретением» модерна, но также очевидно и различие между средневековым и современным университетом. Жак Ле Гофф пишет, что после буллы папы Григория IX, так называемой Великой хартии университетов (1231), они были выведены из-под светской юрисдикции и подчинены церкви, став фактором продвижения религиозного мировоззрения [16]. Со своей стороны, З.А. Сокулер отмечает фундаментальное отличие между «учеными» средневекового университета, главным призванием которых было сохранение традиционного знания, и преподавателем университета XIX в., задачей которого является выработка нового научного знания. Недаром практически все научные открытия до XIX в. проходили за стенами университета [14].

Цель вновь создаваемых университетов как раз и состояла в выводе из-под опеки церкви образовательной сферы и осуществление преподавания и исследования в научной атмосфере. Так, во Франции еще в начале XVIII в. создаются высшие учебные заведения по техническим специальностям, которые не входили в программы университетов: Школа мостов и дорог (1715), Школа артиллерии (1720), Школа горного дела (1783) и т.д. В революцион-

ное и постреволюционное время была осуществлена реформа образования, в результате которой классические университеты были упразднены, а на вершине системы оказались «высшие школы», такие как Политехническая школа и Нормальная школа, готовившие государственных служащих, инженеров, преподавателей. Так, в 1794 г. за счет государства в Нормальную школу были направлены 1 200 человек от всех муниципалитетов страны для прохождения обучения, основанного уже на новой рациональности, которые после этого должны были вернуться в свои провинции и вести там преподавательскую деятельность. Д. Бен-Давид пишет, что «была создана новая образовательная и научная структура, а светские интеллектуалы получили интеллектуальную монополию, которой прежде пользовалось духовенство. Именно это, а не внутренние потребности науки привело к возникновению новых образовательных организаций и правительственных учреждений, обеспечивающих работой светских интеллектуалов, включая ученых» [11. С. 178].

Символом победы научного мировоззрения можно считать Гумбольдтовский университет: наука в нем не только производится, но в обязательном порядке и преподается. Единство научного исследования и преподавания стала революционной идеей, обеспечившей доминирование немецкой науки в XIX в. Университет стал свободен как от влияния церкви, так в значительной мере автономен и по отношению к государству. В этом отношении можно солидаризироваться с С. Фулером, который, анализируя гумбольдтовский проект, пишет: «Гений Гумбольдта, основателя Берлинского университета, заключался в том, что он в начале XIX века создал защищаемый государством рынок интеллектуальной жизни, переизобретая университет в качестве объединяющей исследование и преподавание институции и сделав его самым надежным двигателем общественного прогресса в новейшее время» [17. С. 243]. В.В. Миронов выделяет четыре основных принципа гумбольдтовского университета. Главным принципом он называет «единство фундаментальных исследований и преподавания» [18. С. 22]. Второй принцип состоит в автономии университета, состоящей в свободе исследования и преподавания. Третий принцип заключается в очень высоком статусе профессуры. Этот момент важно подчеркнуть, сославшись на исследование Д. Бен-Давида. Он отмечает, что в Германии профессора превращаются в хорошо оплачиваемых государственных служащих, при этом деятельность ученого становится профессиональным занятием и появляется понятие научной карьеры. «Четвертый принцип, — пишет В.В. Миронов, — обоснование и поддержка университета как своеобразного системообразующего центра культуры и воспитания подлинно нравственной личности» [Там же]. Университет становится хранителем мировоззренческого канона эпохи модерн.

В контексте данного исследования эвристичным представляется обратиться к методологии, на первый взгляд, далекой от дискурса философии и социологии науки, и распространить истины, установленные ранее по отношению к средневековью и раннему модерну, на современность. Так, анализируя процесс секуляризации, Карел Доббеларе использует концепцию функциональной дифференциации, согласно которой секуляризацией является процесс, в результате которого религия из системообразующего принципа, пронизывающего все социальные поля, становится одной из подсистем общества. Соответственно, модерн характеризуется совокупностью подсистем

общества, функционирующих исходя из собственных нормативности и рациональности [19]. Именно такой взгляд на природу и структуру современного общества позволил, например, К. Мангейму говорить о существовании специальных институций, ответственных за «интерпретацию мира» в средневековье (церковь), и в то же время не видеть наличия их аналогов в модерне [20]. Собственный тип рациональности всегда кажется самоочевидным и естественным. В то же время проведенный анализ говорит скорее об обратном. В процессе секуляризации средневековое общество не распалось на множество подсистем, не связанных между собой интегральным единством. Более правомерно говорить о том, что одна системообразующая онтология (христианская) была заменена другой (научной) со столь же (или даже более масштабным) всеобъемлющим проникновением во все сферы жизни. В таком случае в Просвещении можно увидеть идеологию продвижения научной рациональности, а в академии наук и университете – институциональные формы ее реализации. В этой связи следует подчеркнуть, что функционирование и господство научной рациональности столь же нуждается в собственных социальных формах ее поддержания и продвижения, как и доминирование христианского мировоззрения невозможно без Церкви.

Победа науки Нового времени – это онтологическая революция, произошедшая на основе закрепления в сознании европейцев нового мировоззрения, осуществленного «социологическими» методами (с помощью формирования социальных институтов, наделения их ресурсами и влиянием, переориентацией на их интересы энергии образовательных программ и учреждений, формирования армии и иерархии функционеров и т.д.). Именно этот социальный процесс, а не практические достижения (пришедшие в массу через сто лет после утверждения науки в качестве новой культурной доминанты), создал новое культурное поле, в котором наука воцарилась на месте церкви, а ее вердиктов и открытий ждали как ранее мессы и чуда.

Проведенный анализ позволяет предложить ответы на поставленные в начале статьи вопросы. Во-первых, наука завоевала столь высокий статус в эпоху модерна не потому, что обеспечила прорыв к более фундаментальным онтологическим слоям реальности, а потому, что смогла предложить для интеллектуальных и политических элит более привлекательную онтологию, придав ей организационную форму, постепенно обеспечившую доминирование науки в социальном пространстве модерна. Во-вторых, академии наук и университеты нового образца выступили социальными гарантами «онтологической стабильности» модерна, продвигающими научную онтологию и соответствующий ей тип рациональности. В-третьих, «онтологическая стабильность» культурных парадигм связана с деятельностью определенных социальных институций, выступающих гарантом и транслятором онтологического стандарта культуры, а сама культурная онтология формируется в социальном процессе, исход которого заведомо не определен. Соответственно, легитимная стратегия самопонимания исторического разума может быть названа «социологией онтологии».

Литература

1. Хьюбер К. Критика научного разума. М., 1994. 326 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб. : Наука, 2015. 443 с.

3. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 45–80
4. Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. 281 с.
5. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира, Птолемеевой и Коперниковой. М. ; Л. : Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1948. 380 с.
6. Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. № 1. С. 63–90.
7. Shapin S. How to Be Antiscientific // The One Culture? The Conversation About Science / H. Collins, J.A. Labinger (eds). Chicago ; London : University of Chicago Press, 2001. P. 99–115.
8. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. 560 с.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
10. Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham ; London : Duke University Press, 2004.
11. Бен-Давид Д. Роль ученого в обществе. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 344 с.
12. Сабирова Ф.М. Роль академий наук в развитии физики в XVI–XVIII вв. // Наука и школа. 2011. № 1. С. 133–138.
13. Конелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л. : Наука, 1974. 267 с.
14. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб. : РХГИ, 2001. 240 с.
15. Петров М.К. Язык, знак, культура. М. : Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
16. Жак Ле Гофф. Интеллектуалы в Средние века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1997.
17. Фулер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М. : Дело, 2018. 384 с.
18. Миронов В.В. Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 19–23.
19. Dobbelaere K. Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization // Sociology of Religion. 1999. Vol. 60, Issue 3.
20. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 7–276.

Viktor S. Levytskyy, Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation (Brussels, Belgium).

E-mail: victor2609@ukr.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 30–40.

DOI: 10.17223/1998863X/64/3

VALUE OF THE SOCIO-INSTITUTIONAL DIMENSION OF THE ASSERTION OF THE SCIENTIFIC WORLDVIEW

Keywords: science; ontology; rationality; Academy of Sciences; university

For a long time, it has been believed that science deals with “pure” empiricism, which is getting progressively better to cognize, thereby discovering ahistorical truth, the status of which is independent of the cultural and social context. This system of views has been called the positivist paradigm. Its axiomatics extends far beyond the natural science discourse and acts as a general background for an entire era – Modernity. Formed by the scientific mind, ideas about the nature of what exists are reflected in all areas of social life: social goals, value system, social practices, etc. must be scientifically justified. In the second half of the twentieth century, the positivist paradigm was subjected to comprehensive criticism, the result of which was the abandonment of its main imperatives, and the dominant paradigm (today we can say confidently that not only in the field of philosophy of science) has become post-positivist, with its denial of the existence of theoretically non-loaded facts, the cumulative development of scientific knowledge, approximation to the unchanging absolute truth. Due to the fact that science has ceased to be perceived as a universal cognitive methodology, which has allegedly become the result of the natural evolution of mind, the question of the factors that ensured its dominant position in modern society becomes especially acute. The article focuses on the socio-institutional dimension of the assertion of the scientific worldview, in which the organizational forms of science – academies of sciences and universities – that have made scientific ontology a general cultural worldview a priori, are especially prominent. As a result of the analysis, the article summarizes that the victory of modern era science is an ontological revolution that took place on the basis of the consolidation of a new worldview in the minds of Europeans, which was implemented by “sociological” methods (through the formation of social institutions, endowing them

with resources and influence, reorientation to their interests of the energy of educational programs and institutions, the formation of the army and the hierarchy of functionaries, etc.). It was this social process, and not practical achievements (which came in the masses a hundred years after the establishment of science as a new cultural dominant), that created a new cultural field, in which science reigned in the place of church, and its verdicts and discoveries were expected as before people expected for mass and miracle.

References

1. Huebner, K. (1994) *Kritika nauchnogo razuma* [The Criticism of Scientific Reason]. Translated from German. Moscow: RAS.
2. Hegel, G.W.F. (2015) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Reason]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
3. Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya". pp. 45–80
4. Koyre, A. (1985) *Ocherki istorii filosofskoy mysli* [Essays on the history of philosophical thought]. Moscow: Progress.
5. Galilei, G. (1948) *Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira Ptolemeevoy i Kopernikovoy* [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems, Ptolemaic & Copernican]. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Technical and Theoretical Literature.
6. Daston, L. (2020) The History of Science and the History of Knowledge. *Logos*. 1. pp. 63–90. (In Russian).
7. Shapin, S. (2001) How to Be Antiscientific. In: Collins, H. & Labinger, J.A. (eds) *The One Culture? The Conversation About Science*. Chicago; London: University of Chicago Press. pp. 99–115.
8. Kasavin, I.T. (2013) *Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy* [Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems]. Moscow: Al'fa-M
9. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Taylor, C. (2004) *Modern Social Imaginaries*. Durham and London: Duke University Press.
11. Ben-David, J. (2014) *Rol' uchenogo v obshchestve* [The Role of the Scientist in Society]. Translated from English by A. Smirnov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie
12. Sabirova, F.M. (2011) Rol' akademiya nauk v razvitii fiziki v XVI–XVIII vv. [The role of the academies of sciences in the development of physics in the 16th – 18th centuries]. *Nauka i shkola*. 1. pp. 133–138.
13. Kopelevich, Yu.Kh. (1974) *Vozniknovenie nauchnykh akademiya* [The emergence of scientific academies]. Leningrad: Nauka
14. Sokuler, Z.A. (2001) *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in Modern Society]. St. Petersburg: RKHGI.
15. Petrov, M.K. (2004) *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, Sign, Culture]. Moscow: Editorial URSS
16. Le Gof, J. (1997) *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. Dolgoprudnyy: Allegro-Press.
17. Fuller, S. (2018) *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'era uma vnuti i vne akademii* [Sociology of intellectual life: the career of the mind inside and outside the academy]. Translated from English. Moscow: Delo
18. Mironov, V.V. (2021) Gumboldt, naturfilosofiya i universitet kak universum [Humboldt, natural philosophy and the university as a universe]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 19–23.
19. Dobbelaere, K. (1999) Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization. *Sociology of Religion*. 60(3). pp. 229–247.
20. Mannheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [The Diagnosis of Our Time]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 7–276.